

© 2018 г.

Т.Л. ЛАБУТИНА

СОЮЗНЫЙ ДОГОВОР – КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ В ПЕРЕГОВОРАХ БРИТАНСКОГО ПОСЛА ЧАРЛЬЗА КЭТКАРТА И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

Лабутина Татьяна Леонидовна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

DOI: 10.7868/S0130386418030071

60-е годы XVIII в. явились переломным этапом во взаимоотношениях Великобритании и России. Именно в этот период вскрылись те глубокие противоречия между государствами, которые в дальнейшем приведут к резкому обострению их отношений. Одним из сложных в дипломатическом диалоге стран в ту пору стал вопрос о союзном договоре.

Надо заметить, что первые шаги екатерининской дипломатии отличались, по словам известного российского историка В.Н. Виноградова, «осторожностью и сдержанностью»¹. Глава внешнеполитического ведомства Н.И. Панин надумал создать для противодействия союзу Бурбонского дома (Франции и Испании) так называемую Северную систему (или Северный аккорд). На взгляд В.Н. Виноградова, эта система представляла собой «нечто аморфное, трудно поддающееся определению, не коалиция и не союз, а некое согласие жить в мире – в противовес французскому Восточному барьеру, чреватому конфликтами и войной»². К Северной системе предполагалось привлечь Англию, Пруссию, Данию, Швецию, Польшу. Анализируя оценки Северной системы историками, В.Н. Виноградов, отдавая им должное, считал Северный аккорд своего рода «лигой мира». Он подчеркивал, что, несмотря на долю идеализма в замыслах Панина, Северный аккорд явился «провозвестником будущих международных и даже всемирных организаций»³.

В основу Северной системы должен был лечь оборонительный союз с Великобританией. Для этого имелись веские основания. В то время как России требовались субсидии и морская поддержка, британцы испытывали нужду в сухопутных войсках. Кроме того, обе страны были заинтересованы в ослаблении усилившегося влияния Франции на севере Европы – в Швеции, Дании, Польше. После окончания Семилетней войны Великобритания оказалась в сложном положении. Современный российский историк А.Б. Соколов отмечал: «Распался союз с Пруссией, которая считала себя обманутой “коварным Альбионом”. Главный противник, Людовик XV, заключил “семейный договор” с испанскими Бурбонами. Этот блок поддерживала тогда и Австрия. Великобритания рисковала оказаться в состоянии международной изоляции. Это заставило английское правительство... добиваться восстановления союза с Россией»⁴. В соответствии с существующим договором от 4 апреля 1741 г. Россия обязывалась

¹ Виноградов В.Н. Дипломатия Екатерины Великой. – Новая и новейшая история, 2001, № 3, с. 135.

² Там же.

³ Там же, с. 136.

⁴ Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI – XVIII вв. Ярославль, 1992, с. 256.

в случае необходимости оказать помощь Великобритании, выделив 10 тыс. пехоты и 2 тыс. конников. В свою очередь англичане обещали послать 12 военных кораблей с 700 пушками либо выплатить России 100 тыс. ф. ст.⁵ В договоре также имелась статья, согласно которой Великобритания отказывалась от обязательств оказывать помощь России в случае ее войны с Турцией или Польшей. Поскольку оговоренный срок действия оборонительного договора истек, возникла необходимость его пролонгации.

Переговоры о союзе России и Англии были начаты в 1762 г. Однако британские дипломаты — вначале граф Дж.Х. Бэкингемшир, а затем Дж. Макартни — не смогли решить эту задачу⁶. Сменивший их на посту Чарльз Кэткарт должен был продолжить начатое ими дело.

Чрезвычайный и уполномоченный посол Великобритании, «кавалер древнейшего и благороднейшего ордена св. Андрея», член Тайного совета и генерал-лейтенант английских войск лорд Кэткарт прибыл в Петербург незадолго до начала русско-турецкой войны (1768—1774 гг.). В инструкции, полученной им от главы внешнеполитического ведомства, говорилось следующее: «Так как... был заключен между обеими державами союзный трактат сроком на 15 лет, ныне уже истекших... то Вы воспользуетесь удобным случаем осведомиться, изменились ли чувства, высказанные до сих пор по этому поводу министрами Ее Императорского Величества, и сообщите нам все, что узнаете касательно этого предмета для дальнейших наших инструкций»⁷. Как видно, британскому послу предписывалось добиться пролонгации союзного оборонительного договора с Россией.

Что представлял собой новый посол в России? Это был человек с богатой биографией. Девятый лорд Кэткарт, Чарльз родился 21 марта 1721 г. в семье родовитой шотландской аристократии. Его отец был видным военачальником. Сын пошел по стопам отца: юношей поступил на военную службу в гвардию и в 22 года уже командовал отделением под предводительством графа Стэра. Участвовал в Войне за Австрийское наследство (1740—1748 гг.), а вскоре стал адъютантом графа Камберленда, которого сопровождал во Фландрию, Шотландию, Голландию. Стойкий противник династии Стюартов, он принял участие в подавлении их сторонников — якобитов. В битве при Фонтено в 1745 г. получил тяжелое ранение в голову. С тех пор он носил шелковую повязку на шею, за что позднее получил прозвище «Заплата Кэткарт». Военная карьера Кэткарта не прервалась после ранения. Он вернулся в строй, героически сражался в битве при Каллодене, где вновь был ранен. В 1750 г. получил чин полковника. Спустя 10 лет, дослужившись до чина генерал-лейтенанта, Кэткарт оставил военную службу. Тогда же он занял место в парламенте Великобритании как один из тех знатных пэров, которые представляли в нем Шотландию.

Женился Чарльз Кэткарт в зрелом возрасте, в 32 года. Его избранницей стала дочь капитана, лорда Гамильтона — Джейн Гамильтон. Брак оказался удачным. В семье любящих супругов родились семеро детей: три сына и четыре дочери. Одна из дочерей, Мэри, прославившаяся своей красотой, вышла замуж за первого барона Линдача Томаса Грэхема. Финансовое положение Кэткарта заметно улучшилось после того, как он продал унаследованное от матери поместье в Сандреме. Правительство должным образом оценило как его боевые заслуги, так и деятельность в Тайном совете: в 1763 г.

⁵ Там же, с. 229—230.

⁶ Подробнее см.: *Лабутина Т.Л.* Неудачная миссия графа Бекингема. Из истории российско-британских отношений второй половины XVIII века. — Новая и новейшая история, 2015, № 4; *ее же*. Британский посол Джордж Макартни и его представления о екатерининской России. — Новая и новейшая история, 2016, № 3.

⁷ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. — Сборник Императорского русского исторического общества (далее — СИРИО), т. XII. СПб., 1883, с. 333.

Кэткарт был посвящен в рыцари. В феврале 1768 г. его назначили послом в Санкт-Петербург, где он пробыл около четырех лет, вплоть до 1772 г.⁸

В России Чарльз Кэткарт встретил самый радушный прием со стороны и императрицы, и ее придворных. Еще до того, как состоялась первая официальная встреча посла с Екатериной II, он получил для себя, своей супруги и сестры, с которыми приехал в Россию, приглашение на церемонию закладки первого камня «великолепной церкви во имя св. Исаакия» (Исаакиевского собора). На церемонию должна была прибыть Екатерина II. Кэткарт полагал, что императрица, «несмотря на то, что это не принято обычаем», желала с ним познакомиться «как можно скорее». В донесении главе внешнеполитического ведомства Британии лорду Веймуту от 12 августа 1768 г. он подробно описал церемонию закладки камня: «Под триумфальной аркой возвышалась платформа, откуда Ее Величество могла подойти к аналою... В назначенный час Ее Императорское Величество прибыла, предшествуемая епископами, архимандритами и прочими лицами высшего духовенства вместе с придворными певчими». Отслужили молебен. Посол был представлен сначала великому князю, а затем императрице. «При этом многочисленном собрании Ее Императорскому Величеству угодно было оказать мне отличие, — продолжал повествование Кэткарт, — она обращалась ко мне со многими вопросами, а положив камень, медали... в другой камень большей величины, где отчасти окружила их известью, поручила мне прибавить извести той же лопаткой, которую употребляла... Я выполнил это, а вслед за мной еще некоторые государственные сановники последовали моему примеру, после чего императрица помогла опустить камень на предназначенное ему место... Я никогда не видел такого торжественного и великолепного зрелища», — с восторгом заключал дипломат⁹.

Вечером того же дня Кэткарт имел удовольствие видеть еще одно зрелище «весьма приятного свойства» — смотр кадетского корпуса, который проводил граф Григорий Орлов. Граф «был до того любезен», что настоял, чтобы дипломату «была оказана честь военного салюта». «После этого, — пояснял Кэткарт, — я счел долгом сделать ему визит»¹⁰.

Спустя несколько дней посол был приглашен на смотр полка батальонов под командой бригадира Каменского. Произошло целое сражение, продолжавшееся два часа, маневры были «чрезвычайно разнообразны и искусны». «Я никогда не видал столько молодости, равенства в росте, деятельности и проворства, — свидетельствовал Кэткарт. — Люди были отлично одеты и вооружены и соблюдали полнейшую дисциплину. Этим последним обстоятельствам они обязаны лагерной жизни, в которой русская армия проводит каждое лето, а также искусству и заботливости генералов Чернышева и Панина (брата Н.И. Панина. — *Т.Л.*)».

Далее дипломат с восторгом повествовал о приеме, оказанном ему придворными. «Не могу описать Вам, милорд, — сообщал он лорду Веймуту, — любезности начальствовавших офицеров и графа Панина, который был там и сделал мне честь одолжить прекрасную английскую лошадь». Примечательно, что с самим графом Паниным Кэткарт успел пообщаться еще накануне в покоях Никиты Ивановича, где они вели «долгий предварительный разговор». О его содержании Кэткарт решил в тот момент не распространяться. «Могу только уверить Вас, милорд, — заверял дипломат своего шефа, — что репутация откровенности, искренности и способностей этого министра вовсе не преувеличена, и он по убеждению твердый сторонник британского народа и того тесного союза, которого столь настоятельно требуют интересы обоих дворов»¹¹.

Особой милостью со стороны императрицы явилось ее знакомство с супругой посла, что выходило за рамки существующего при дворе этикета. Кэткарт упомянул об этом в донесении от 19 сентября 1768 г. Он сообщил, что его супруга была представлена

⁸ Dictionary of National Biography, v. III. Oxford, 1949–1950, p. 1194.

⁹ СИРИО, т. XII, с. 349–350.

¹⁰ Там же, с. 351–352.

¹¹ Там же, с. 361–362.

императрице, которая пригласила ее играть в пикет. Леди Кэткарт «осталась весьма довольна многочисленными знаками внимания, которые Ее Величеству угодно было оказать ей»¹². Супругу посла пригласили также на ужин с императрицей и великим князем. Сам дипломат обедал с императрицей в Адмиралтействе и там, «сидя подле нее за столом и будучи особенно отличен ее милостью, убедился в том, что в настоящую минуту британская нация пользуется здесь полнейшим уважением»¹³.

Летом 1770 г. у четы Кэткарт родилась дочь, названная Екатериной Шарлоттой. Крестными девочки изъявили желание стать графиня Воронцова и граф Панин. «Не могу достаточно передать Вам, милорд, милостивое участие, принятое императрицей в состоянии здоровья леди Кэткарт и ребенка, ту доброту, с которой граф Панин и все придворные лица содействовали ей, — с волнением сообщал дипломат 23 июля 1770 г. новому министру внешнеполитического ведомства графу Рошфору и далее продолжал: — Императрица имеет обычай оставлять матери какой-нибудь предмет на память ребенку о чести, сделанной при его крещении, потому госпожа Воронцова передала леди Кэткарт от имени Ее Императорского Величества великолепный бриллиантовый фермуар, а граф Панин от имени великого князя передал другой фермуар, хотя и меньший по сравнению, однако весьма значительной ценности»¹⁴.

Чем же объяснялся столь радушный прием, оказанный Екатериной и ее приближенными британскому послу? Сам Кэткарт полагал, что это было следствием особой симпатии императрицы ко всем британцам. Об этом он не раз писал в донесениях в Лондон. Так, в послании лорду Веймуту от 19 сентября 1768 г. Кэткарт утверждал, что императрица «пользуется всяким случаем, чтобы заявить о своем расположении и уважении» к британскому королю и его нации¹⁵. А в депеше графу Рошфору от 9 января 1770 г. он ссылаясь на высказывание графа Орлова о том, что Екатерина II «питает высокое почтение к королю и... английской нации и что, когда ей случается что-либо похвалить, ее самое обыкновенное выражение таково: “придуманно, сказано или сделано по-английски”»¹⁶. На одном из празднеств дипломат обратил внимание на то, что Екатерина особо выделяет англичан среди прочих гостей. «Англичане всех званий постоянно пользуются большим отличием Ее Величества и ее двора», — заключил он¹⁷. Наконец, особое расположение императрицы к выходцам с Британских островов Кэткарт усмотрел в ее согласии отужинать в его доме. «Меня уверили, — докладывал он графу Рошфору, — что это был первый пример, где бы Ее Императорское Величество ужинала в иностранном доме по какому бы то ни было случаю»¹⁸.

Кэткарт также обращал внимание на расположение к британцам ближайших соратников императрицы, прежде всего Никиты Панина и Григория Орлова. «Мне остается только еще раз уверить вас, милорд, — писал он Рошфору, — до какой степени императрица, граф Панин и граф Орлов сознают дружбу Его Величества к императрице, благорасположение нации к России и ценность сих обстоятельств для этой империи, что они выражали мне в различных случаях и в чем я имею ежедневные доказательства так же, как и в высоком мнении императрицы обо всем, что англичане думают, говорят и делают»¹⁹.

Подобные примеры отношения Екатерины II к британцам действительно свидетельствовали о ее особенном к ним расположении, что позволяло некоторым ученым

¹² Там же, с. 364.

¹³ Там же, т. XIX. СПб., 1876, с. 110.

¹⁴ Там же, с. 65–66.

¹⁵ Там же, т. XII, с. 364.

¹⁶ Там же, т. XIX, с. 30.

¹⁷ Там же, с. 131.

¹⁸ Там же, с. 156.

¹⁹ Там же, с. 2–3.

причислять российскую императрицу к англофилам²⁰. В свое время мы останавливались на данном вопросе²¹ и пришли к выводу, что доля истины в подобном утверждении была. Екатерина II и правда проявляла несомненный интерес как к британской культуре, так и к ее носителям — выходцам с Британских островов. Однако в случае с послом Кэткартом речь шла о другом. Оказывая ему радушный прием, российская императрица действовала как опытный и искусный дипломат, преследуя цель привлечь Великобританию в ряды союзников в надвигавшейся войне с Турцией.

Что же касается Великобритании, то ее правительство предпочитало заключить союз на прежних условиях, лишь пролонгировав его на более продолжительный срок. Непременным требованием британцев вновь стало исключение из условий договора Турции, прежде всего для того, чтобы не пострадала их торговля в Леванте. «Эта последняя статья, — утверждал русский историк Н.А. Нотович, — была вечным камнем преткновения, и первые тридцать лет правления Екатерины прошли без того, чтобы был заключен какой-нибудь формальный договор, который соединил бы судьбы обеих наций. Тщетно граф Панин в первые дни своего министерства выдвигал один за другим важные аргументы, долженствовавшие привести к соглашению между обеими сторонами, Англия ни за что не хотела отказаться от дружбы с Турцией, а одним из наших естественных требований было уничтожение этой дружбы»²².

Весной 1768 г. ситуация на международной арене для России значительно осложнилась. Практически одновременно началось выступление антирусской конфедерации в Польше и возникла опасность реставрации абсолютизма в Швеции. Но главное — назревала война с Турцией. Как отмечала отечественный историк И.Ю. Родзинская, русское правительство весной 1768 г. поставило цель связать Англию субсидиарным договором со Швецией, по которому Англия обязывалась выплачивать Швеции ежегодно 50 тыс. ф. ст. и таким образом устранила бы французское влияние в этой стране. В свою очередь русское правительство отказывалось от своего первоначального требования помощи от Великобритании в войне с Турцией. Однако англичане не пожелали выплатить оговоренную сумму, поскольку были не особенно заинтересованы в польских и шведских делах²³.

Вскоре начались осложнения с Высокой Портой. Великий визир вспомнил условия Прутского мира 1711 г. (обязательство Петра I не вмешиваться в польские дела) и потребовал от российского резидента А.М. Обрезкова гарантий вывода царских войск из Речи Посполитой. Затем Обрезкова препроводили в Семибашенный замок и заточили в подземелье. Императрица сочла подобные действия турецкой стороны актом агрессии, а Россию — жертвой этой агрессии. Осенью 1768 г. началась первая русско-турецкая война.

Правительство Великобритании отнеслось к русско-турецкой войне негативно. Во-первых, война отвлекала внимание России от решения вопроса о союзном договоре, а во-вторых, грозила втянуть Великобританию в развязавшийся конфликт. Поэтому британцы попытались примирить враждующие державы, неоднократно предлагая свое посредничество. Однако их инициатива не встретила в России отклика.

Хотя Великобритания стремилась сохранить нейтралитет в войне, поддерживая одновременно дружеские отношения с обоими государствами, из этого ничего не вышло. Поскольку союз с Россией был в ту пору для англичан необходим, а Турция находилась под влиянием их противника — Франции, то симпатии британского

²⁰ Родзинская И.Ю. Русско-английские отношения в шестидесятих годах XVIII в. — Московский государственный историко-архивный институт. Труды, т. 21. М., 1965, с. 245.

²¹ Лабутина Т.Л. Англомания и англофильство в правление Екатерины II. — Лабутина Т.Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013; *ее же*. Была ли Екатерина II английской шпионкой. Домыслы и факты. — Родина, 2014, № 9, с. 6—11.

²² Нотович Н.А. Россия и Англия. Историко-политический этюд. СПб., 1907, с. 100—101.

²³ Родзинская И.Ю. «Естественные» союзники (Русско-английские отношения 60—70-х годов XVIII в.). — Проблемы британской истории. М., 1972, с. 204.

правительства все больше склонялись на сторону России. К тому же Россия тоже испытывала неприязненные чувства к Франции, на что указывал и Кэткорт. «Поведение Франции, — писал он, — внушает этому двору все большее и большее к ней отвращение, и между здешним и тем двором существует разрыв такой же полный и, по-видимому, непоправимый, как тот, который французский двор желал бы видеть между нами и Россией»²⁴.

Весомым аргументом в пользу поддержки российской стороны в начавшейся войне явились экономические интересы Англии. Если в торговле с Россией было задействовано до 700 британских судов, то тех, что вели торговые операции с Турцией, насчитывалось всего 20—27. К тому же английская Левантская компания терпела убытки из-за торгового соперничества с Францией: с 1768 по 1775 г. правительство Великобритании было вынуждено ее субсидировать, выплачивая по 5 тыс. ф. ст. ежегодно. Таким образом, в Лондоне задумались над тем, как ослабить позиции Франции на Средиземном море. А так как Россия в Средиземном море проводила военно-морские операции с целью уничтожения турецкого флота и любых связей Турции с континентом, то ее усилия оценивались британцами положительно. Великобритания даже начала в ряде случаев оказывать помощь России.

И.Ю. Родзинская приводит примеры оказания британским правительством содействия русским эскадрам, направлявшимся в Средиземное море, отмечая, что российские суда получили возможность ремонтироваться, базироваться, пополнять необходимое снаряжение и запастись продовольствием в английских портах и на базах в Гибралтаре и Маоне (о. Менорка). Во время стоянок судов в английских портах раненые и больные размещались в местных госпиталях. Кредит на снабжение и снаряжение кораблей предоставлялся английской конторой Томсона и Питерса, а затем Бакстера, имевшего филиал в Петербурге. Продовольствие для флота также поступало из Англии. Власти Великобритании разрешили вывоз зерна и хлеба из страны, хотя это было запрещено парламентским актом. Снабжать русский флот боеприпасами англичане отказывались, но не препятствовали это делать через частных лиц в Англии и Шотландии.

Оказывала Великобритания содействие России и в дипломатической сфере, удерживая Францию от вмешательства в русско-турецкую войну. В августе 1770 г. в Средиземное море была послана английская эскадра с инструкцией поддержать русский флот в случае нападения на него французских судов. «Конечно, английское правительство предпринимало свои демарши в отношении Франции не из-за беспокойства о судьбе русского флота, — утверждала И.Ю. Родзинская. — Лорд Норс, в то время глава английского правительства, писал в 1774 г. Георгу III: “Россия не заслужила помощи Вашего Величества, но несчастье в том, что, пока Великобритания является объектом вражды и ревности Франции и Испании, мы не можем смотреть на их вооружение без своего вооружения в то же время. То, что кажется направленным против России, может быть полностью использовано против нас, и поэтому каждое морское вооружение наших соседей нужно сторожить ревнивым оком”». Так соперничество Англии и Франции способствовало победе, одержанной Россией над морскими силами Турции, справедливо заключала историк²⁵.

Если позиция Великобритании на театре военно-морских сражений была ясна, то на дипломатическом поприще, в вопросе о союзном оборонительном договоре все продолжало оставаться по-прежнему неопределенным. Памятуя о главной цели своего назначения в Россию, Кэткорт никак не мог приступить к исполнению порученного задания. Первая запись в его депешах, где шла речь о союзном договоре, относится к октябрю 1768 г. В ней посол ссылался на «твердо заявленное мнение императрицы» о том, что «Россия решительно склоняется на сторону Англии, а настроение это еще усилится». Однако, на ее взгляд, невозможно «найти момент более благоприятный для

²⁴ СИРИО, т. XIX, с. 3.

²⁵ Родзинская И.Ю. «Естественные» союзники..., с. 207—210.

переговоров». При этом посол обращал внимание на то, что турецкий вопрос, присутствовавший в прежнем проекте союзного договора, «оставлен в стороне»²⁶.

После одной из встреч с Паниным Кэткарт сообщил в Лондон, что русский министр выражал желание императрицы и свое собственное «убедить короля и нацию в искреннем намерении Ее Императорского Величества поддержать Великобританию везде, где того потребуют обстоятельства». Панин пояснял, что если король намерен защищать Корсику (от Франции), то императрица поставит оружие, пушки и амуницию для 7 тыс. человек, которыми Его Величество может полностью распоряжаться²⁷.

В ответ официальный Лондон отправил Кэткарту секретную депешу, в которой «по повелению короля» предписывалось «воспользоваться первым удобным случаем для того, чтобы сообщить графу Панину, что Его Величество в видах пользы России согласен распространить условие о военных кораблях, кои он в силу проекта обещается выставить... чтобы они могли служить на всяком европейском море вместо того, чтобы ограничиться одним Балтийским». Георг III выражал также желание выступить посредником при заключении между императрицей и Портой мирного договора. Король предлагал послу настаивать на уступке со стороны Турции Азова, области кубанских татар и «всех приобретений» императрицы, а также сделать мореплавание по Черному морю свободным для России. Для обеспечения гарантий условий мирного соглашения Георг III обещал выставить 12 кораблей и 12 тыс. человек. Он очень надеялся, что взамен императрица тоже пойдет на уступки и заключит союзный договор с Великобританией, чтобы государства могли «рассматривать себя связанными друг с другом взаимным интересом»²⁸.

Желая подтолкнуть императрицу к скорейшему заключению союзного договора, Кэткарт в качестве одного из аргументов давления на нее предлагал использовать стремление Екатерины II усилить свой флот, в чем англичане могли оказать действительную помощь. «Ее честолюбие весьма сильно насчет того, чтобы сделаться морской державой, — писал посол графу Рошфору 12 сентября 1769 г., — о чем я вовсе не сожалею, так как я уверен, что она никогда не будет нам соперницей, а чем дальше она подвигается на этом пути, тем больше должна... зависеть от Великобритании»²⁹.

Между тем уже первые сражения с противником принесли победу российской армии. В 1769 г. турки потерпели поражение в Молдавии и Валахии. Русские успешно действовали на Северном Кавказе и в Закавказье. Военные успехи России не остались незамеченными британским послом. 8 сентября 1769 г., когда русская армия нанесла туркам новое поражение на Днестре, в результате которого неприятель покинул Хотин и бежал в Яссы, Кэткарт сообщал в Лондон: «В воскресенье, идя во дворец, я увидел 164 штандарта... трофеи помянутой победы, взятые во время наступления... Поднимаясь по лестнице, я узнал только что полученное известие о том, что в ночь на 7-е русские построили... батарею из 40 двенадцатифунтовых орудий, и с рассветом 8-го открыли... на турецкий лагерь огонь... Удивленные и испуганные столь неожиданным страшным огнем турки недолго оставались под его действием: они отступили с величайшей поспешностью, оставив много палаток и 30 медных пушек». «Вы легко поймете, милорд, — далее писал посол графу Рошфору, — то, какое приятное и вместе сильное впечатление произвело на общество это внезапное известие о столь важном событии, за которое России не пришлось пожертвовать ни одним человеком и которое в то же время подает надежду на окончание войны... между обеими империями»³⁰.

Для продолжения войны с Турцией Россия нуждалась в поставке новых морских судов. 16 марта 1770 г. Кэткарт доносил Рошфору о том, что императрица стремится довести «до значительных размеров» свои морские силы. Однако, на его взгляд, это

²⁶ СИРИО, т. XII, с. 382.

²⁷ Там же, с. 389.

²⁸ Там же, т. XIX, с. 58–61.

²⁹ Там же, т. XII, с. 468.

³⁰ Там же, с. 471–472.

может быть выполнено лишь с помощью и при содействии Англии, а «никак не иначе». В то же время, продолжал Кэткорт, «невозможно, чтобы Россия сделалась соперницей, способной внушить нам зависть ни как торговая, ни как военная морская держава». Дипломат усматривал в сложившейся ситуации определенную выгоду для своей страны, а также возможность оказания давления на Россию. «Я всегда рассматривал подобные виды России как весьма для нас счастливые, — утверждал он, — ибо до тех пор, пока это будет выполнено, она должна зависеть от нас и держаться за нас. В случае ее успеха успех этот лишь увеличит нашу силу, а в случае неуспеха — мы утратим лишь то, чего не могли иметь»³¹.

Летняя кампания 1770 г. принесла русской армии новые победы. 26 июня эскадра под командованием адмирала Г.А. Спиридова в ожесточенном бою в Чесменской бухте уничтожила турецкий флот. Русские войска высадились в Греции и на островах Эгейского моря. 3 августа лорд Кэткорт извещал графа Рошфора об одном из сражений. Турецкая армия, писал он, состояла из 150 тыс. человек, в том числе 36 тыс. янычар, и находилась под начальством великого визиря. Русские захватили 130 пушек большого калибра «в совершенной исправности». При этом сами не потеряли ни одного генерала или офицера высших чинов, но лишь немногих солдат и одного капитана; «бригадир Озеров, ныне пожалованный генерал-майором и кавалером ордена св. Георгия, говорит, что... видел до 5 тыс. турок убитых». За одержанную победу над турецкой армией на Пруте 7 июля 1770 г. императрица вручила генералу П.А. Румянцеву фельдмаршальский жезл, наградила его орденом св. Георгия первой степени и подарила имение с 5 тыс. душ, приносящее, по подсчетам дипломата, до 2 тыс. ф. ст. ежегодного дохода. По свидетельствам очевидцев сражений, отмечал Кэткорт, русские войска сражались с превосходством по численности противником «блестящим образом», проявляя «храбрость и усердие»³².

Следя за победами российской армии, посол не забывал о главной цели своей миссии. Он предпринимал неоднократные усилия, чтобы сдвинуть переговоры об оборонительном союзе с мертвой точки. «При настоящих обстоятельствах я продолжаю часто напоминать графу Панину об окончательном ответе, которого Англия так давно ожидает от России, — писал он Рошфору, — но упоминая об этом, хотя с твердостью, однако без всякой настоятельности, ибо, зная, как мало это принесло бы пользы и как много могло бы повредить... Мнения Ее Величества... зависят от настроения ее мыслей, которые вследствие столь необычайных успехов в войне, где, как она полагает, главная тяжесть была перенесена ею одной, весьма легко склоняются к двум идеям». Суть этих идей, пояснял Кэткорт, это, во-первых, ожидание «твердого и прочного мира ныне же или по окончании следующего похода, но без помощи других держав», и, во-вторых, желание «не вступаться далее», чем императрица признает нужным в войне, которая, на ее взгляд, по всей вероятности, вспыхнет в весьма скором времени между другими державами из-за интересов, «не касающихся до нее непосредственным образом». Посол полагал, что каждая из указанных позиций препятствует заключению союза с Великобританией: «Первое из этих мнений отвергает необходимость союза, второе отвергает его своевременность»³³.

Сомнения Кэткарта в возможности заключения союзного договора на условиях, предложенных Великобританией, очень скоро подтвердились. Как считает И.Ю. Родзинская, после длительных переговоров, продолжавшихся в Петербурге с осени 1770 до весны 1771 г., английский проект был отклонен³⁴. На взгляд А.Б. Соколова, последнее прямое предложение заключить союз последовало в Петербург от государственного секретаря Рошфора в 1770 г. Историк приводит высказывание британского ученого

³¹ Там же, т. XIX, с. 42–43.

³² Там же, с. 66–69.

³³ Там же, с. 158–159.

³⁴ Родзинская И.Ю. Англия и Русско-турецкая война (1768–1774). — Труды Московского государственного историко-архивного института, т. 23. М., 1967, с. 187.

М. Робертса об изменении ситуации, сложившейся к тому времени в отношениях двух стран: «С точки зрения Екатерины II, теперь имелись гораздо более срочные и важные задачи, чем союз с Англией: мир с Турцией и его условия; подготовка к разделу Польши. Поэтому стало гораздо важнее, как поведут себя Австрия и Пруссия, а союз с Англией может подождать. Ждать пришлось почти четверть века»³⁵. Впрочем, донесения Кэткарта в Лондон в 1771 г. свидетельствовали о том, что вопрос о союзном договоре не был окончательно забыт и время от времени о нем вспоминали обе стороны.

Попытки Великобритании выступить в роли посредницы при заключении мира с Турцией Екатерина II тоже восприняла негативно. Участие в переговорах позволило бы англичанам контролировать притязания России. Великобритания же усматривала опасность конкуренции со стороны России после ее выхода в Средиземное море для своей торговли. Поэтому любые попытки России получить выход из Черного моря и развивать мореплавание в Средиземном море вызывали возражения английского министерства³⁶. Рошфор писал Кэткарту 30 ноября 1770 г.: «Не могу... не высказать Вам, что мысль, которой держатся в Санкт-Петербурге относительно открытия торговли на Черном море для всех народов, по-видимому, подаст повод к сильным возражениям. Как хорошо известно... турки с давнего времени не допускали ни один из европейских народов к участию в этой торговле и все торговые государства Европы соглашались на это исключительное право. Победы, одержанные Россией, конечно, не дают туркам повода ожидать подобной выгоды и рассчитывать на нее в будущем».

«Цель России при этом проекте, — продолжал Рошфор, — состоит в том, чтобы проложить себе кратчайший путь в Средиземное море, что в случае согласия Порты, являющегося, впрочем, весьма сомнительным, неизбежно возбудило бы зависть тех народов, в чьих руках до тех пор находилась торговля на том море ... с другой стороны... плавание по Черному морю вместе с турками и при исключении всех прочих народов должно послужить для России значительным и прочным увеличением силы и богатства. Улучшение ее владений в этой местности относительно населения и обработки... должно... составить для нее вторую весьма важную цель. Словом, здесь открывается широкое поле для усиления славы и могущества России без всякого посягательства на права других держав, которое, конечно, возбудило бы их беспокойство, чтобы не сказать более»³⁷.

Между тем у императрицы имелись собственные планы относительно переговоров о мире с Турцией. В одной из бесед Кэткарта с Паниным, состоявшейся в феврале 1771 г., российский министр сообщил, что императрица «не имеет в виду никаких приобретений, что вознаграждение и обеспечение на будущее время составит цели, которые она будет преследовать при заключении мира; но она еще не вступала и не вступит в предварительные переговоры, до тех пор, пока ее честь не будет удовлетворена освобождением Обрезкова... и что по совершении этой меры она согласна и готова выслать уполномоченных для переговоров с уполномоченным Порты с искренним намерением и желанием заключить мир... Двор этот с самого начала относился недоверчиво ко всем посредникам и был весьма сдержан со всеми державами, посредничество которых принимал», — заключал дипломат³⁸.

Екатерина не раз высказывалась против посредничества британцев. Она инструктировала Панина со всей категоричностью: «Берегитесь, чтобы эти вертуны англичане не вздумали бы навязать вам при первом случае мнимый мир, который вы должны будете отвергнуть. Лучше всего будет просить их не вмешиваться таким горячим образом. Дружбы и недруги нам уже завидуют из-за выгод, которые мы можем иметь, и приобретение одной только пяди земли на Черном море совершенно достаточно для

³⁵ Цит по: Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. СПб., 2015, с. 178–179.

³⁶ Родзинская И.Ю. Англия и русско-турецкая война (1768–1774), с. 187.

³⁷ СИРИО, т. XIX, с. 128–129.

³⁸ Там же, с. 185–186.

возбуждения зависти англичан, которые преследуют в эту минуту мелочные интересы и которые всегда останутся лавочниками»³⁹.

Не менее негативно посредничество Великобритании воспринимала и Турция. Как утверждала И.Ю. Родзинская, турецкое правительство «относилось к Англии с подозрением, обвиняя ее в пособничестве России». Далее историк приводит высказывание министра иностранных дел Турции Маррея, сделанное им в начале 1770 г.: «Весьма странно, что Англия предлагает свое посредничество Порте, в то время как ее корабли входят в состав русского флота. Имеются все основания опасаться, что ее сочувственная заботливость не более как маска, скрывающая враждебные планы. Пусть Англия без уверток сообщит Порте причину своей благосклонности к России»⁴⁰.

В начале 1771 г. российская дипломатия начала подготовку к заключению мира с Турцией. Один из документов «под величайшим секретом» был показан Кэткарту неким «приятелем». В депеше от 18 февраля посол извещал Лондон о «черновом условии» пожеланий императрицы. «Имею честь сообщить их Вам, милорд, под величайшим секретом, — писал Кэткарт графу Галифаксу, сменившему на посту Рошфора, — они состоят из трех вопросов, а именно: обеспечение против нарушения мира со стороны Турции, вознаграждение и торговые сношения... Императрица заявляет свои права на Азов и на оказание покровительства народам, живущим между Кавказскими горами и Дагестаном, оставляя прочие страны нейтральными. Она обещает некоторые выгоды для грузинцев и для христиан, подданных Турции... Она предъявляет старинное право на владычество над татарами, уже освободившимися, и над татарами крымскими; но, отказываясь от этого права, настаивает на их независимости под управлением их собственного хана и также настаивает на независимости обоих покоренных княжеств. Относительно второго пункта она желает сумму в виде... вознаграждения ... 25 млн рублей, издержанных в эту войну. Ввиду достижения третьей цели... настаивает на свободной торговле на Черном море и требует для своих кораблей одного из островов в Архипелаге»⁴¹.

Последнее требование Екатерины вызывало недовольство ряда европейских государств, а возможно, и самой Великобританией. Во всяком случае в послании Кэткарту от 5 апреля 1771 г. граф Галифакс заявлял: «Не подлежит сомнению, что даже наиболее дружественные к России европейские державы будут сопротивляться мысли о ее владении одним из островов Архипелага». Он советовал послу донести это известие графу Панину «под видом собственного мнения»⁴². В неофициальной беседе с Паниным посол вновь упомянул, что Англия смотрит на союз с Россией «как на первый и краеугольный камень этого здания, долженствующий своим заключением лечь в основание дальнейшего успеха дела». В ответ российский министр заметил, «что это случится скоро», если англичане того желают так же искренне, как и Россия⁴³.

Тем временем британцы не оставляли надежды выступить посредниками при заключении мира России с Портой. Они были очень обеспокоены тем, что на эту роль могут пригласить Францию или Австрию. Кэткарт извещал Галифакса, что из беседы с Паниным ему удалось выяснить следующее: если Франция пожелает выступить в качестве посредницы при заключении мира, Великобритания этой миссии будет лишена. Еще большее опасение у англичан вызывала позиция Австрии. В мае 1771 г. стало известно об освобождении из турецкого плена семьи русского министра Обрезкова. Большое участие в этом принял австрийский двор. «Обстоятельство это доказывает, — извещал Галифакса Кэткарт, — искренность венского двора и желание турок заключить мир на таких условиях, которые, как им известно от других дворов, императрица согласна им гарантировать... ибо честь ее, оскорбленная заключением ее министра,

³⁹ Цит. по: Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями»?..., с. 179.

⁴⁰ Родзинская И.Ю. «Естественные» союзники..., с. 206–207.

⁴¹ СИРИО, т. XIX, с. 190–191.

⁴² Там же, с. 196.

⁴³ Там же, с. 198.

ныне удовлетворена его освобождением»⁴⁴. Взволновало Лондон и известие о том, что граф Алексей Орлов побывал в Вене, где ему оказали «весьма милостивый прием». Некто передал Кэткарту, что «в кармане у него (Алексея Орлова. — *Т.Л.*) уполномочия на заключение мира». Однако посол полагал, что «об этом не может быть речи до тех пор, пока он (Орлов. — *Т.Л.*) вместе с флотом не дойдет до Константинополя, чего Австрия, как кажется, чрезвычайно опасается»⁴⁵. Как бы то ни было, Россия продолжала самостоятельно решать вопрос, на каких условиях вести переговоры с поверженным противником.

Мирный договор с Турцией был заключен 10 июля 1774 г. Но это произошло уже во время пребывания в России другого посла Великобритании.

Весной 1771 г. Кэткорт еще раз попытался повидаться с Паниным, чтобы вернуться к обсуждению союзного договора. Однако эти попытки не увенчались успехом, как полагал дипломат, в силу чрезвычайной занятости министра. Посол сетовал по поводу того, что граф Панин видит Ее Величество лишь раз в неделю в продолжение нескольких часов. «Остальные же дни или, вернее, вечера он проводит в работе над самыми спешными делами. По утрам он никого не принимает, а после полудня... по большей части ездит верхом с великим князем, вследствие чего его чрезвычайно трудно видеть, а между тем за исключением его нет ни одного лица, к которому можно было обратиться. При таковых обстоятельствах я убежден, милорд, — писал Кэткорт графу Галифаксу, — что Вы поймете, до какой степени трудно подвигать дела»⁴⁶.

Посол еще надеялся обратить внимание российской дипломатии на союзный договор, но его усилия были тщетны. В депеше Галифаксу от 17 июня 1771 г. Кэткорт упоминал о различных отсрочках, неудачных переговорах «касательно союза». Однако вину за неудачи на главу внешнеполитического ведомства он не возлагал. «В душе я убежден, — писал Кэткорт, — что он (Панин. — *Т.Л.*) истинный друг союза и его не следует осуждать во многих случаях, где он кажется ответственным вследствие занимаемой им должности, между тем как он не всегда может провести желаемые им меры»⁴⁷.

В тот же день посол отправил в Лондон конфиденциальную записку, в которой еще раз обратил внимание на то, что императрица «имеет высокое мнение об англичанах и весьма благодарна за полученную от них помощь». Он подчеркнул, что Алексей Орлов и все его семейство — «суть истинные друзья нашей страны и союза с нами». На его взгляд, граф Панин «несомненно желает союза» и даже подавал проект, «который не оказался соответствующим мыслям императрицы». Учитывая настроения Екатерины II, посол пришел к выводу, что не видит необходимости далее оставаться в России, поскольку при настоящем положении дел «намерение заключить союз недостоверно»⁴⁸.

Вероятно, не только сам посол, но и его лондонское начальство уже потеряло всякую надежду на возможность заключения оборонительного союза с Россией. 29 ноября 1771 г. Кэткарту сообщили из Лондона: «В случае, если бы союз предвиделся в близком будущем, Его Величество вознаградило бы Ваше усердие в переговорах, предоставив Вашему превосходительству честь заключить этот союз; но многократные отсрочки... отнимают всякую надежду на скорое его заключение... Его Величеству было бы весьма грустно думать, что цель возложенного на Вас поручения утрачена, но он должен видеть, что дело это прервано и что... нет необходимости в продолжении Вашего посольства»⁴⁹.

⁴⁴ Там же, с. 206–207.

⁴⁵ Там же, с. 208.

⁴⁶ Там же, с. 209.

⁴⁷ Там же, с. 221.

⁴⁸ Там же, с. 222–224.

⁴⁹ Там же, с. 239.

Почему же британским и российским дипломатам так и не удалось добиться заключения союзного договора, несмотря на продолжавшиеся почти десятилетие интенсивные переговоры? Историки основную причину усматривали в нежелании Великобритании принимать участие в войне против Турции в качестве союзницы России, а также отказе англичан предоставить субсидию Швеции, чтобы удержать последнюю от развязывания военных действий против России⁵⁰. И.Ю. Родзинская главной причиной неудачи считала отсутствие единства внешнеполитических целей России и Великобритании. В то время как Лондон желал видеть в Северном союзе блок, направленный непосредственно против Франции, российское правительство нуждалось лишь в нейтралитете последней. «Соглашение могло быть достигнуто только при исключительных обстоятельствах, таких как военный конфликт России с Францией. Во всех других случаях ни одна сторона не желала идти на уступки», — справедливо заключала историк⁵¹. По сути дела, неуступчивость в поисках компромиссных решений как британской, так и российской стороны, привела к провалу заключения союзного договора.

Наверное, дипломатическая переписка британских послов не была бы столь интересной для современного читателя, если бы не одно обстоятельство. Практически все дипломаты в своих донесениях сообщали в Лондон об увиденном в России. Впечатления о Екатерине II, ее внутренней и внешней политике, министрах и придворных, обычаях и нравах русских людей, а также о неординарных событиях в жизни страны — все это нашло отражение в их депешах, отправляемых на родину. Не стали исключением и донесения лорда Кэткарта. На что он больше всего обращал внимание и насколько объективными оказались его оценки увиденного?

Общаясь с Екатериной II, лорд Кэткарт не раз высказывал свое ею восхищение. Он считал, что российская императрица «обладает весьма просвещенным умом, быстрым соображением, замечательной решимостью, большою твердостью»⁵². Примечательно, что еще до первой встречи с императрицей Кэткарт, по-видимому, наслышанный о Екатерине от своих предшественников, сообщал в Лондон, какая замечательная она правительница и что «между всеми женщинами на свете императрица едва ли не способнейшая для ведения столь сложного механизма», как государственное правление. Посол отмечал ее «необыкновенный ум», подчеркивал, что императрица «предприняла огромные общественные работы» и создала «великолепные учреждения». К достижениям Екатерины Кэткарт причислял укрепление российской армии («никогда русская армия не достигала такой силы»), а также экономики страны, прежде всего в сфере финансов и торговли («финансы ее в порядке и баланс ее торговли значительнее, чем когда бы то ни было»)⁵³.

Из разговора во время бала, на котором императрица уделила внимание послу, он узнал о ее распорядке дня. Начиная с пяти утра Екатерина ежедневно занималась делами, предпочитая лично руководить «всяким делом, вникая в малейшие его подробности». Предметом ее разговора, продолжал посол, всегда служат «различные улучшения» относительно дел в империи, о чем она рассуждает «не только не напыщенно, но даже без всякой примеси важности или серьезности»⁵⁴. Кэткарт подметил, что «императрица обладает необыкновенной способностью нравиться, которой она пользуется с видимым удовольствием»⁵⁵.

Кэткарт писал, что императрица «для занятия разнообразными делами... употребляет различных лиц... на основании той пользы, которую каждый из них может

⁵⁰ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XIV. История России с древнейших времен, т. 28. М., 1994, с. 337–338; Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI – XVIII вв., с. 174–179.

⁵¹ Родзинская И.Ю. «Естественные» союзники..., с. 204.

⁵² СИРИО, т. XIX, с. 13–14.

⁵³ Там же, т. XII, с. 348.

⁵⁴ Там же, с. 356–357.

⁵⁵ Там же, с. 364.

принести в той или другой отрасли дела. Отсюда возникает один разряд милостей». Другой «разряд милостей» распространяется на тех, кто участвует в увеселениях императрицы в часы ее досуга⁵⁶. Далее посол давал характеристики людям из близкого окружения Екатерины. Прежде всего он выделял графа Григория Орлова, генерала и главнокомандующего артиллерией, человека лет 35 или 36 лет, который «взыскан милостью, дружкой и доверием императрицы в высочайшей степени». Григорий Орлов, отмечал Кэткарт, «одарен всеми преимуществами привлекательной наружности и манер». Он весьма почтителен по отношению к императрице, а с другими исполнен «достоинства и вежливости». Посол напоминал, что во время дворцового переворота, названного им «революцией», Орлов был адъютантом графа Шувалова, затем участвовал в походе против прусского короля, во время которого получил три легких ранения. Посол считал Орлова «кротким, человеколюбивым и всем доступным» человеком. Кэткарту импонировало стремление Орлова к самообразованию. Поскольку он прежде «мало занимался изучением какого бы то ни было дела, но с тех пор, как занял такую важную роль в империи, употребляет большие усилия для своего образования с тем, чтобы иметь возможность в различных частях правления приносить пользу императрице и отечеству». Посол писал о нем: «Я никогда не знал человека с лучшими намерениями, большей правдивостью и откровенностью, более скромным понятием о собственных достоинствах и более здравым, хотя и не глубоким пониманием»⁵⁷. Однажды вечером, разговаривая с Григорием Орловым, когда тот был «разгорячен танцами и лишним выпитым стаканом», посол убедился, что «этот человек дорожит честью и правдой и в других ненавидит и презирает всякое уклонение от них»⁵⁸.

Когда посол понял, что Григорий Орлов пользуется особенным расположением императрицы, он счел необходимым сблизиться с ним, тем более что Орлов так же, как и императрица, являлся «горячим сторонником Англии», хотя и считал себя «прежде всего русским патриотом». «Граф Орлов при всяком удобном случае оказывает мне совершенно особую и радушную внимательность, — информировал Кэткарт Рошфора, — так что я уверен в нем по поводу всех вопросов, какие мне случится с ним обсуждать»⁵⁹. Посол не ошибся. Граф и в самом деле был к нему расположен и даже оказал Кэткарту содействие в организации приема императрицы в доме британского посла. «Милостью этой я вполне обязан графу Орлову», — свидетельствовал Кэткарт. В глазах всего общества, полагал он, это имело «важное отличие», что подтвердилось и в разговоре со знатоком этикета прусским принцем Гейнрихом, присутствовавшим на ужине в доме посла вместе с императрицей и великим князем Павлом Петровичем.

Кэткарт полагал, что предпринятый им шаг позволит «склонить двор к согласию» на его предложение касательно союза⁶⁰. Он заметил также, что вниманием Орлова пытаются воспользоваться многие приближенные к императрице люди. «Граф Григорий Орлов небрежен и откровенен, но доступен хитрым и интригующим личностям, — докладывал посол графу Рошфору. — Образ жизни его рассеянный; он чужд всяким честолюбивым намерениям. Его значение усиливается по мере того, как ослабевает влияние министров, и так как он от времени до времени проводит перед императрицей различные вопросы в пользу своих друзей, то он приобрел репутацию верного покровителя»⁶¹.

Со временем влияние Григория Орлова на императрицу ослабело, зато при дворе усилились позиции его брата Алексея Орлова, что тоже не ускользнуло от внимания британского посла. Кэткарт предполагал, что в будущем граф Алексей Орлов сделается «самым вероятным орудием для того, чтобы оказать своей родине важную услугу

⁵⁶ Там же, с. 427–428.

⁵⁷ Там же, т. XIX, с. 15–16.

⁵⁸ Там же, т. XII, с. 429.

⁵⁹ Там же, т. XIX, с. 45, 133.

⁶⁰ Там же, с. 156–157.

⁶¹ Там же, с. 164.

или причинить ей большой вред». Говорят, писал посол, что человек он умный, твердый, решительный и «неуклонный в преследовании своих целей». «Репутация, влияние на императрицу и поддержка братьев, по-видимому, ручаются за его власть и призывают его к деятельности», — заключал Кэткорт⁶².

В военных действиях против Турции братья Орловы принимали самое активное участие, о чем Кэткорт не преминул сообщить в депеше Галифаксу в марте 1771 г. «Семейство Орловых пользуется полной властью и милостью, и все относящееся до морских планов России и до действий ее на море против турок было с самого начала вполне поручено им, — свидетельствовал посол. — Я не думаю, чтобы граф Алексей воспрепятствовал заключению мира, и убежден, что он окажется другом Англии»⁶³. Однако какой-либо поддержки со стороны Алексея Орлова Кэткарту получить не удалось, о чем он извещал своего шефа спустя неделю. «Мне жаль, что я не мог извлечь никакой пользы от графа Алексея Орлова, который вместе с императрицей в воскресенье вечером выражал мне свою признательность за... обязательства России по отношению к Англии (за поддержку последней в войне с Турцией. — *Т.Л.*), а также желания их обоих, чтобы представился случай заявить, до какой степени обязательства эти сознаются императрицей, — писал посол. — Ставлю имена их рядом, потому что императрице (так как граф Алексей не говорит по-французски) угодно было служить переводчицей для нашего разговора, причем она постоянно прибавляла от своего имени что-либо весьма сильное и любезное»⁶⁴.

Кэткорт использовал любую возможность, чтобы сблизиться с Орловыми. «Вы, конечно, поймете, милорд, — писал он Галифаксу, — что я не пропустил случая устроить праздник для семейства Орловых, и этим вниманием весьма удачно угодил императрице; я должен сознаться, впрочем, что они вполне заслужили от меня этого по той искренней дружбе и уважению, которые всегда оказывали мне как министру и как частному лицу»⁶⁵.

В одном из донесений посол подчеркнул, что граф Алексей «весьма почтителен» к великому князю и к Панину. Он слышал, что Алексей Орлов будет назначен морским главнокомандующим под начальством великого князя и президентом морской коллегии. Здесь же Кэткорт описывал внешность Алексея Орлова, сообщая, что тот огромного роста, хорошо сложен, «деятелен и весьма благообразен, несмотря на большой рубец, полученный им в сражении во время ранней молодости»; «манеры его необыкновенно просты, хотя не лишены того достоинства, которое сопряжено с таким успехом и с презрением и отказом от всех почестей, предложенных ему». Алексей любил всеми сословиями, писал посол, но ведет себя таким образом, что не возбуждает зависти. «Он не говорит по-французски, что для меня потеря, — сетовал Кэткорт, — хотя с помощью немецкого и итальянского, из которых ни тот, ни другой язык для меня не привычен, нам удастся объясниться»⁶⁶.

Мы уже упоминали о том, что именно Алексей Орлов был послан в Вену с инструкциями о заключении мира с Турцией, что свидетельствовало об особом расположении и доверии к нему императрицы. Кэткорт отметил также смелость и решительность Алексея Орлова, проявленные им во время страшной беды — чумы, случившейся в Москве осенью 1771 г. «Сегодня утром граф Орлов говорил мне, что, по его убеждению, главнейшее несчастье в Москве состоит в паническом страхе, охватившем как высшие, так и низшие классы жителей, а также в происходившем от того беспорядке и недостатке правильных распоряжений, почему он и намеревается отправиться туда завтра утром и попытаться принести там возможную пользу», — сообщал Кэткорт в Лондон 20 сентября 1771 г. Посол обращал внимание на то, что императрица была

⁶² Там же, с. 168.

⁶³ Там же, с. 200.

⁶⁴ Там же, с. 201.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, с. 201–202.

чрезвычайно расстроена бедствиями своих подданных в Москве и «низким поступком» дворянства и знатных лиц, которые уехали из города, «предоставив его в жертву всякого рода несчастий»⁶⁷.

В своих депешах посол сообщал о событиях в Москве во время чумы. «Народ, покинутый властями и доведенный до отчаяния усиливающейся опасностью и бессмысленными распоряжениями полиции, взбунтовался, — писал Кэткарт в Лондон 27 сентября 1771 г. — Архиепископ, человек благовоспитанный и умный, видя опасность, происходящую от того, что целые толпы уже зараженного народа принимают причастие вместе с другими и, согласно обычаю греческой церкви, при этом употребляется одна и та же ложка для всех, сделал некоторые распоряжения, возбудившие неудовольствие... приказав убрать любимый чудотворный образ и запечатать кружку». Это еще больше возмутило людей. «В народе произошло волнение, стали кричать, что митрополит грабит церковь и святотатствует; ударили в набат, народ сбежался, и огромные толпы направились к митрополиту, напали на его дворец, уничтожили все, что нашли в нем, кроме погребов, откуда выпили все вино, но самого его не нашли, так как он спасся в монастыре... Колокола звонили всю ночь, и было совершено много злодейств; поутру народ направился к монастырю, где в это время архиерей служил обедню... Злодеи увлекли архиерея из алтаря и жестоким образом убили его... Затем они бросились на полицейские больницы для зачумленных, вывели оттуда больных, поклялись умертвить всех докторов, фельдшеров и стали хоронить мертвых в греческих церквях».

Против восставших, свидетельствовал посол, был выдвинут отряд войск, но они «побили камнями офицера, начальствовавшего над этим войском. Тогда по ним был открыт огонь, и они рассеялись». Число убитых достигло нескольких сотен человек. Главнейших зачинщиков взяли под стражу, однако город не успокоился, и «многие толпы, числом до ста, продолжали ходить по улицам». Кэткарт приводил сведения о том, что в Москве и окружающих ее деревнях умирало до 900 человек в день. Дипломат почему-то счел «единственным благоприятным признаком» тот факт, что болезнь поражала лишь низший класс населения, и это, по его мнению, доказывало, что воздух еще не заражен и те, «которые ведут более удобный, чистый образ жизни, не подвержены опасности». «Нездоровая пища, употребляемая во время летних постов, а также теснота и нечистоплотность жилищ низшего класса русского народа в течение сырых и теплых летних месяцев постоянно производят... злокачественные болезни, ограничивающиеся этим классом, но не заражающие высшие слои общества», — заключал посол⁶⁸.

Алексей Орлов сумел восстановить в Москве порядок. Он окружил город кордонами и заставами. В Твери, Новгороде и других местах, ближайших к Санкт-Петербургу, были учреждены карантинные, и «ни пенька, никакой другой товар не были приняты без карантина»⁶⁹. Кажется, при этих страшных событиях британца немало беспокоило то, как бы вывозимые из России в Великобританию товары не задержались при отправке из-за введенного карантина.

Поскольку Кэткарту чаще всего приходилось вести переговоры и общаться с главой внешнеполитического ведомства России Н.И. Паниным, то понятно, что он дает подробную характеристику и ему. «Панин во многих отношениях составляет исключение из всего виденного мной в его отечестве, — сообщал посол графу Рошфору, — по характеру и обращению он более похож на немца. Это различие следует приписать отчасти характеру, отчасти правилам поведения и политики, усвоенным им в молодости, подтвержденным опытом... Это один из самых любезных людей, которых мне когда-либо случалось знать, и почти не имеющий недостатков». Примечательно, что, по-видимому, беззаветно доверяя Панину, императрица сделала его наставником

⁶⁷ Там же, с. 232–235.

⁶⁸ Там же, с. 236–237, 242.

⁶⁹ Там же, с. 244.

наследника престола, великого князя Павла Петровича. Великий князь «вполне поручен руководству Панина, который спит в одной комнате с ним и никогда не позволяет ему выходить без себя», отмечал Кэткарт и продолжал: «Отец и сын не могут питать друг к другу более сильной и нежной привязанности, чем та, которая существует между главным наставником и его воспитанником»⁷⁰.

Кэткарт не раз заверял свое руководство в «правдивости, искренности, твердости и благонамеренности» Панина, в руках которого, по его мнению, сосредоточилась вся власть. В то же время посол признавал, что этот человек «самый сдержанный... и непроницаемый», какого ему только доводилось видеть.

Поначалу дипломату казалось, что положение Панина при дворе незыблемо. «Влияние Панина совершенно утвердилось, — свидетельствовал он в мае 1769 г. — Это единственный известный мне человек, способный исполнять возложенную на него должность с надеждой на успех»⁷¹. Но уже через несколько месяцев ситуация изменилась, влияние Панина на императрицу ослабело, на что обратил внимание и дипломат. «Граф Панин, — писал он, — от природы ленив, а в настоящую минуту раздражен и показывает вид, будто относится ко всему равнодушно... это обстоятельство совпадает с его... отчаянием вследствие невозможности вернуть прошлое». Все это производило «полный застой в делах». В прежние времена, по словам Кэткарта, Панин «в высочайшей степени обладал доверием императрицы», но это доверие постепенно ослабевало, «вследствие недостатка деятельности с его стороны». Посол предполагал, что министр не пользуется более уважением⁷². Впрочем, Панин так и не был отправлен в отставку, как предполагал дипломат. Его разногласия с императрицей носили временный характер. Более того, императрица отблагодарила своего министра за верную службу и в октябре 1770 г. пожаловала ему орден св. Георгия первой степени и 2500 душ крестьян⁷³.

Характерно, что в беседах с послом глава внешнеполитического ведомства России не раз делился информацией, которая отнюдь не предназначалась для ушей иностранного подданного. Так в одном из донесений графу Рошфору Кэткарт сообщал: «У нас завязался самый конфиденциальный разговор, в котором он (Панин. — *Т.Л.*) откровенно высказал мне свои мнения относительно положения императрицы, великого князя и империи и поверил мне несколько тайн государственных и других, касающихся лично до него самого»⁷⁴. Панин под большим секретом рассказал послу о том, что императрица благополучно перенесла прививку оспы, но предупредил, что это составляет «величайшую тайну», которую не следует открывать до тех пор, пока не будет привита оспа великому князю. Возможно, подобная откровенность министра внушала Кэткарту уверенность, что Панин является сторонником Англии. «Репутация откровенности, искренности и способностей этого министра вовсе не преувеличена, — доносил посол в Лондон, — он по убеждению твердый сторонник британского народа и того тесного союза, которого столь настоятельно требуют интересы обоих дворов»⁷⁵.

Наряду с портретами первых лиц государства в депешах посла сохранились описания событий, очевидцем которых он был. Одно из наиболее интересных среди них — посещение заседаний депутатов Комиссии по Уложению.

В 1765 г. Екатерина II приступила к созданию нового законодательства России. «Два года я читала и писала, не говоря о том полтора года ни слова, — признавалась императрица. — Предуснев, по мнению моему, довольно в сей работе, я начала казать по частям статьи, мною заготовленные, людям разным, всякому по его способностям». Так родился ее знаменитый Наказ. Его главнейшие литературные источники, отмечал

⁷⁰ Там же, т. XII, с. 429–432.

⁷¹ Там же, с. 457.

⁷² Там же, т. XIX, с. 163–164.

⁷³ Там же, с. 124.

⁷⁴ Там же, с. 31.

⁷⁵ Там же, т. XII, с. 391, 362.

известный специалист по русской истории С.Ф. Платонов, это «Дух законов» Монтескье, «Политические институты» Бильфельда и вышедшее в 1764 г. сочинение итальянца Беккариа «О преступлениях и наказаниях». Сама Екатерина писала французскому просветителю Д'Аламберу, что в Наказе «обобрала президента Монтескье», не называя его, и действительно, подчеркивал историк, «добрая половина статей Наказа есть пересказ “Духа законов”». «Таким образом, — констатировал С.Ф. Платонов, — свои принципы нового русского законодательства Екатерина установила на почве философско-публицистических умствований современной ей европейской литературы. Ясно, что эти принципы, с одной стороны, были в высшей степени либеральны, потому что взяты из либерального источника, а с другой стороны — совершенно чужды русской жизни, потому что слишком либеральны и выросли из условий нерусской общественной жизни»⁷⁶.

Для обсуждения нового кодекса законов манифестом от 14 декабря 1766 г. в Москву были созданы представители сословий и присутственных мест. Их собрание получило название «Комиссии для сочинения проекта нового уложения». 30 июля 1767 г. Екатерина назначила в Грановитой палате Кремля открытие Комиссии. В конце года Комиссию перевели из Москвы в Петербург. Летом 1768 г. Кэткорт был приглашен в галерею Зимнего дворца «для наблюдения» за действиями депутатов. На его взгляд, зал не уступал «ни по размеру, ни по великолепию плану, составленному Иниго Джонсом для Уайт-холла». Здание дворца, писал он, расположено на берегу «прекрасной реки, могущей по справедливости сравниться с Темзой», которая так широка, что по ней «свободно ходят суда значительной величины». Во дворце имелось помещение, которое посол видел только через окно, но ему рассказывали, что оно так же велико, как зал в Вестминстере.

«Нас ввели в галерею, расположенную над комнатой, где происходило заседание, и отделенную от нее решеткой, — продолжал посол. — В эту минуту заседание еще не начиналось; знакомые мне лица были по большей части военные, одетые в мундиры и украшенные знаками различных орденов... Представители различных частей этой огромной империи столь многочисленны, что нет возможности перечислять... их имена и костюмы: список этот составил бы целую песню героической поэмы». Народу в зале было так много, а «различные группы были до того заняты разговором, что невозможно было смотреть на собрание, не вспомнив о пчелином улье». Кэткорт отметил, что на одной стороне зала помещался трон императрицы, а на противоположном конце и по обеим сторонам были расставлены скамьи, «как в палате депутатов». Слева от трона стоял стол, за которым должен был сидеть предводитель Комиссии, а также председатель, «руководящий ходом дела», и генерал-прокурор. Кэткорт пояснил, что последний заседал в качестве представителя, назначенного императрицей. Именно он имел право делать заявления от ее имени в случае, если бы были нарушены основные законы.

Посол отметил также, что депутаты были размещены по губерниям, причем из каждого уезда выбран дворянин, купец или ремесленник и свободный крестьянин. Духовенство имело одного представителя, архиепископа, который размещался с правой стороны от трона. Кэткорт обратил внимание на важную деталь — отсутствие в Комиссии юристов. «Во всем собрании, — свидетельствовал он, — не было ни одного черного плаща и вообще ни одного платья, похожего на обыкновенный костюм законника». Имелись и другие отличия указанного собрания от привычного ему устройства палаты общин: «Председатель генерал-лейтенант, весьма воинственной наружности и кавалер ордена Белого Орла, не имел ни мешка, ни посоха, но, вставая для того, чтобы говорить... брал в руки булаву, называемую маршальским жезлом, и обращался к собранию с громкой, явственной и методичной речью». Как видно, посол нет-нет, да и проводил аналогию заседания депутатов с палатой общин в английском парламенте.

⁷⁶ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. — <http://www.hrono.info>

Кэткарт коснулся также процедуры обсуждения вопросов на заседании Комиссии. «Мне говорили, — писал он, — что часто вопросы не проходят... голоса разделяются на самые мелкие партии» и что только один профессор из Лифляндии по имени Урсинус, «не соглашается почти ни на одно предложение; нескольким лицам был дан отпуск, другим отставка и взамен их объявлено избрание новых членов», после чего предводитель закрывал заседание.

Завершая свое повествование, Кэткарт оценил деятельность собрания депутатов критически. «Все это установление, — писал он, — представляется... чем-то вроде подмостков, которые, без сомнения, будут разобраны, как ненужные леса, тотчас по окончании императрицей всего великого здания». Тем не менее он подчеркивал, что Екатерина составила проект уложения законов «на собственных основаниях, но в смысле, вполне соответствующем с действительными интересами и характером всех ее подданных». Именно для этой цели она повелела собрать народных представителей в количестве 600 человек, которым «предоставила обширные льготы и привилегии, причем каждый из них снабжен наставлениями от своих сограждан, касательно их желаний и нужд, а также общего их положения». Никаких прений в собрании не происходило, но «всякий, кто возбуждает какой бы то ни было вопрос или на следующий назначенный для того день оспаривает его, читает свои соображения и передает их председателю, который, докладывая резолюцию императрице, сообщает ей также мнения и соображения, изложенные письменно»⁷⁷.

В конце декабря 1770 г. Кэткарт направил Рошфору обстоятельный доклад о состоянии дел в России. «Императрица, — говорилось в докладе, — по-видимому, не сознает действительной опасности, в которой находятся ее дела, ибо она слишком обнадеедена и успокоена прошедшими успехами, имеет лишь незначительную помощь со стороны своих министров, слишком много берет на себя и по разным причинам весьма часто отвлекается от занятий». Далее он пояснял, в чем заключалось плохое управление Российской империей: «Все дела, как иностранные, так и домашние, находятся в пренебрежении... Императрица стареет, великий князь приближается к совершеннолетию, а между тем не принимают никаких мер для того, чтобы не дать ему сбросить с себя роль ребенка, заявить права наследника». Ничего не делается для решения внешнеполитических задач, продолжал дипломат, в том числе в отношении союза с Англией.

Особое внимание Кэткарт уделил состоянию армии и флота Российской империи. На его взгляд, в армии царит полнейшая неразбериха. Никто не доверяет главнокомандующему 1-й армии — генерал-аншефу князю Голицыну; генерал-квартирмейстер Бауер пребывает в открытой вражде с ним, но пользуется доверием и милостью императрицы. Что касается графа Григория Орлова, то он «ненавидим генералами и обожаем солдатами». Брат министра Панина, генерал Панин, «уважаемый и любимый офицерами и солдатами», после взятия Бендер был принужден выйти в отставку из-за того, что «не отдали справедливости тем достойным лицам, которые, по его мнению, заслуживали наград». Начальство над 2-й армией поручено князю Долгорукову, «человеку которого все партии называют зверем». «Обе армии, — писал Кэткарт, — раздражены; офицеры всех чинов выходят в отставку; люди измучены болезнями, усталостью и дурным управлением, более разрушительным, чем неприятельское оружие; рекрутские наборы пагубны для огромной, но мало заселенной страны. Флот в Архангельске дурно построен, дурно управляется и дурно оплачивается. Между офицерами раздоры, а между матросами болезни». Обратим внимание, насколько отличалось описание состояния армии и флота Кэткартом от того, которое он давал двумя годами раньше. И не повлияли ли на изменение его оценок неудачи с заключением союзного оборонительного договора?

⁷⁷ СИРИО, т. XII, с. 357—361.

В своем докладе Кэткорт сообщал в Лондон о «бесконечных расходах» императрицы на содержание флота. Он подчеркивал, что правительство не в состоянии получить какие-либо средства путем займов за границей или внутри государства через увеличение налогов, поскольку, на его взгляд, «бедные и средние классы были бы раздавлены, прежде чем богатые начали бы страдать; для правительства опасно раздражать богатых. Казна еще не совершенно истощена, но весьма обеднела. Дела банка в беспорядке».

Серьезный просчет в управлении империей Кэткорт усматривал в недостатке людей «способных, сведущих и честных». «Зависть и ненависть к иностранцам и неспособность ко всем делам, как гражданским, так и военным, — констатировал он. — Никакого согласия, никакой любви и доверия между ними и недостаток той деятельности и энергии, которые в других странах побуждают людей недовольных высказывать свое недовольство, противодействовать мерам, ими осуждаемым, и отделяться от лиц, рассматриваемых ими врагами государства».

Завершая характеристику столь безрадостного состояния дел в России, Кэткорт высказывал предположение о возможных переменах в государстве (читай: очередном дворцовом перевороте), в результате которых граф Алексей Орлов «представляется самым вероятным орудием для того, чтобы оказать своей родине важную услугу или причинить ей большой вред... Репутация, влияние на императрицу и поддержка братьев... призывают его к деятельности»⁷⁸.

Столь исчерпывающий доклад посла о России произвел такое сильное впечатление на короля Георга III, что он поручил передать ему свою благодарность. «Его величество одобряет Ваш образ действий, — писал новый министр внешнеполитического ведомства граф Галифакс, — и весьма доволен тем усердием, вниманием, деятельностью и искусством, которые так очевидны из хода переписки Вашего превосходительства, а особенно заметны в вышеупомянутой и весьма интересной депеше Вашей, где Вы рисуете такую яркую, подробную, но в то же время унылую картину настоящего положения русского двора и империи»⁷⁹.

Очевидно, положение в стране в начале 1770-х годов было действительно сложным, если недоброжелатели и откровенные противники императрицы подумывали об отстранении ее от власти. «Низкие люди... имели в виду... свергнуть императрицу с престола под тем предлогом, что ей была вручена корона лишь на время малолетства сына, и возвести великого князя, — сообщал дипломат 2 августа 1771 г. — Как только узнали, что великий князь болен и, как полагают, в опасности, народ испугался, стал подозревать, что его отравили, причем обвинялись весьма высокопоставленные лица. В эту минуту императрица... осознала всю опасность последствий, с которыми была бы сопряжена смерть законного наследника. Народ был бы приведен в бешенство». Когда же выяснилось, что опасность миновала, стали распространяться слухи о том, что великий князь находится на положении государственного пленника. В гвардии началось волнение, многие гвардейские офицеры жаловались на то, что ежедневно «ожидают быть вызванными и в таком случае не знают, на что решиться и кому повиноваться». Кэткорт полагал, что подобные события свидетельствовали об «усилении привязанности» к великому князю и, следовательно, укреплению влияния его наставника графа Панина. Впрочем, считал он, пока Панин остается первым министром императрицы, нельзя опасаться, чтобы он стал поддерживать какие бы то ни было действия, направленные ей во вред. Однако, продолжал Кэткорт, «из этих семян могут рано или поздно развиться большие бедствия, если только великая монархиня не решится своевременно на меру, к которой она по великодушию своему была бы способна». Для этого, полагал посол, потребовалось бы избавиться от «опеки» семейства Орловых, чему они, естественно, воспротивятся⁸⁰.

⁷⁸ Там же, т. XIX, с. 165–168.

⁷⁹ Там же, с. 173.

⁸⁰ Там же, с. 225–226.

Описывая значительные события, происходившие во время его пребывания в России, Кэткорт больше всего внимания, естественно, уделял Екатерине II и придворной жизни. Так, в одном из первых своих донесений в Лондон от 29 августа 1768 г. он сообщал о приезде в Петербург английского медика Томаса Димсдейла для оспопрививания императрицы, великого князя и лиц, приближенных к ним⁸¹. Кэткорт рассказывал, как Димсдейл был принят при дворе. Для него приготовили комнаты во дворце и экипаж. Медик виделся с императрицей «частным образом» и был приглашен обежать и ужинать с великим князем, когда ему будет угодно, и вообще бывать у него как можно чаще. Он пребывал во дворце в таком «свободном и нестесненном положении, каким только мог бы пользоваться в доме любого английского дворянина», свидетельствовал Кэткорт. В разговоре с послом Димсдейл уверял, что был очарован «милостивым и любезным обращением» императрицы⁸².

На протяжении нескольких недель Кэткорт по поручению короля внимательно следил за тем, как идет подготовка к прививке оспы императрице и великому князю. При этом он отмечал, что врач имеет близкий доступ к Екатерине, великому князю и министру Панину, и полагал, что этим следует воспользоваться, чтобы получить от Димсдейла по возвращении на родину всю «полезную информацию». Кэткорт сообщал в Лондон: «Редко случается кому-либо доставлять такое удовольствие и самому оставаться так довольным, как доволен в настоящую минуту доктор Димсдейл сношениями своими с императрицей, великим князем и Паниным, и так как он видится с ними весьма часто, то по возвращении его, Вам, милорд, будет небесполезно поговорить с ним».

Впрочем, и сам посол пытался использовать врача в качестве своего информатора. Так, 25 ноября 1768 г. он писал Рошфору, что Димсдейл никогда не забывает, что «имеет честь быть подданным короля и постоянно сносился со мной по всем вопросам, которых мог касаться, не уклоняясь от обязанностей, возложенных на него его положением»⁸³. Глава внешнеполитического ведомства Англии требовал от посла «следить с особым вниманием за ходом болезни, по совершении операции», поскольку этим интересовался сам король. «Мне поручено, — писал он Кэткарту, — предписать Вашему превосходительству высылать мне по этому предмету подробные отчеты для сообщения их Его Величеству»⁸⁴.

Кэткорт отнесся к поручению шефа с должным вниманием. 17 и 19 октября он сообщал о благополучной прививке оспы императрице, которая подверглась всего лишь «легкому нездоровью, в течение которого даже не была принуждена оставаться в своих комнатах». Затем настала очередь приближенных императрицы. Одним из первых прививку сделал Панин. «В старину русские питали сильное отвращение к прививанию оспы, — докладывал посол в Лондон, — когда Панин предпринял это дело, вопрос мог принять серьезный оборот, в случае если бы твердость и ловкость императрицы и ее министра не сумели одержать верх над оппозицией». Наконец, стали прививать придворных. «Трудно определить число лиц, ежедневно прививающих себе оспу, — отмечал Кэткорт в депеше, — частью из подражания поданному всем высокому примеру, частью из опасения заразиться, причем благоприятное окончание болезни ободряет остальных»⁸⁵.

⁸¹ Подробнее о двух визитах в Россию барона Томаса Димсдейла см.: *Лабутина Т.Л.* Визит британского врача Т. Димсдейла ко двору Екатерины II. — Е.Р. Дашкова и XVIII век. Традиции и новые подходы. М., 2012; *ее же*. Визит супругов Димсдейл в Россию во второй половине XVIII в. — Вопросы истории, 2013, № 6; *ее же*. Визит супругов Димсдейл ко двору Екатерины II. — *ее же*. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013.

⁸² СИРИО, т. XII, с. 363.

⁸³ Там же, с. 406—407.

⁸⁴ Там же, с. 385, 389.

⁸⁵ Там же, с. 391, 395, 404.

По завершении всем придворным прививки оспы императрица по-царски отблагодарила Димсдейла. «После обедни, в день праздника св. Екатерины, — сообщал посол, — императрица принимала поздравления от сената и представителей других учреждений, после чего ей угодно было пожаловать доктору Димсдейлу титул русского барона, имеющий перейти к наследникам его мужского пола». Кроме того, Ее Величество «оценила достоинства этого джентльмена и услугу, оказанную им ее особе, семейству и империи». Были выплачены 2 тыс. фунтов на дорожные расходы. Подарено 10 тыс. фунтов, а также назначена выплата в 500 фунтов «ежегодной и пожизненной пенсии, вместе с титулом лейб-медика и званием статского советника, равного с чином генерал-майора»⁸⁶.

Однако назначенную пенсию британский медик получал нерегулярно, с большими задержками, о чем упоминал С.М. Соловьев. Историк отмечал, что Димсдейл однажды даже пожаловался императрице на то, что назначенная ему пенсия «доставляется очень беспорядочно, деньги, ему присланные, русское посольство в Лондоне издерживает на свои нужды, священник посольства, отец Самборский, занял у него же, Димсдейла, 250 фунтов для русских студентов в Англии, терпящих крайнюю нужду. Вследствие этого письма граф Мусин-Пушкин (посол в Англии. — *Т.Л.*) получил рескрипт из Петербурга: “С крайним неудовольствием известились мы от нашего лейб-медика барона Димсдейла, что он за два года не получал определенной ему от нас пенсии, хотя она к вам за все минувшие годы давно уже с излишеством доставлена была. Таковое удержание или обращение в собственную пользу денег, имеющих свое особенное и точное назначение, возбуждает в нас справедливое удивление”»⁸⁷. Следствием подобного «удивления» императрицы стало перемещение Мусина-Пушкина из Лондона в Стокгольм.

В числе запоминающихся событий лорд Кэткорт упомянул посещение Смольного института для благородных девиц. В одной из депеш в Лондон он сообщал о награждении отмеченных императрицей лиц, среди которых был И.И. Бецкой. Ему был пожалован орден св. Андрея. Посол отметил, что Бецкой возглавляет управление в заведении для воспитания юношества, а также «по устройству садов и зданий» и пользуется «особой милостью» императрицы. Он пригласил посла в Смольный институт, где императрица воспитывала «на собственный счет» 250 девиц из знатных фамилий и 350 дочерей мещан и вольных крестьян. Кэткорт отмечал, что воспитанниц принимают в заведение в четырехлетнем возрасте, а выпускают из него в 19 лет. Воспитанницы разделены на пять классов, в каждом из которых проводят по три года, изучая все науки, «полезные для будущего состояния каждой из них». «Я видел их спальни и присутствовал при их ужине, — свидетельствовал посол, — ничто не может превзойти заботливости и успеха Бецкого и дам, занимающихся в этом заведении, которое еще находится в младенческом состоянии, так как до сих пор принято только 220 воспитанниц и самый дом, который великолепен... до сих пор еще не вполне отстроен»⁸⁸.

Примечательно, что посещение Смольного института привело Кэткарта к выводу, что «полный недостаток средств к образованию, особенно между женщинами, и множество французов низкого происхождения, сумевших сделаться необходимыми во всех семействах, вот два обстоятельства», которые натолкнули императрицу на мысль открыть подобное заведение.

Заметим, что посещение Смольного института иностранцами было не редкостью. В июле 1780 г. в нем побывал император Австрии Иосиф II. Во время второго визита Димсдейла в Россию в 1781 г. Смольный посетила и подробно описала его устройство супруга медика Элизабет⁸⁹. Можно сказать, что Институт благородных девиц сделался своеобразной «визитной карточкой» достижений Екатерины II на ниве просвеще-

⁸⁶ Там же, с. 405–406.

⁸⁷ Соловьев С.М. Указ. соч., с. 252–253.

⁸⁸ СИРИО, т. XII, с. 370–371.

⁸⁹ Лабутина Т.Л. Визит супругов Димсдейл ко двору Екатерины II, с. 328–329.

ния. Императрица чрезвычайно гордилась своим детищем и, допуская иностранных визитеров в учебное заведение, по-видимому, надеялась, что Россия будет восприниматься ими и их соотечественниками как цивилизованное европейское государство.

Помимо официальных приемов, Кэткарт бывал и на различных увеселительных мероприятиях, где появлялась императрица, — балах, маскарадах, театральных представлениях. Обо всем увиденном он также подробно информировал свое начальство. Ну, а кроме того, Кэткарт занимался сбором секретной информации о стране пребывания, что было неудивительным для каждого дипломата. В одной из инструкций лорд Веймут наставлял посла: Его Величеству необходимо, чтобы его слуги за границей «слушали как можно больше, а говорили как можно меньше»⁹⁰. И Кэткарт исполнял этот наказ добросовестно. Среди его донесений в Лондон замечен документ за номером 230, содержащий информацию о русской армии. В нем подробно описывается численный состав и вооружение армий под начальством генерал-аншефа князя Голицына и генерал-аншефа графа Румянцева. Первая из них, сообщал посол, насчитывает 110 тыс. человек, артиллерийских орудий в ней — 271, в том числе пушек различных калибров — 201, гаубиц — 35, мортир — 35. В Молдавии, писал он, находятся 110 тыс. человек, подкрепление, идущее из Сибири и из Севска, насчитывает 17 тыс. 400, а «всего войска, составляющего главную Российскую армию, — 127 400 человек». Армия под начальством генерал-аншефа графа Румянцева, по данным Кэткарта, составляла 62 тыс. 340 человек, артиллерийских орудий у нее — 136. Всего в войсках на действительной службе насчитывалось 223 тыс. 318 человек.

В распоряжении Кэткарта оказались также сведения о секретной эскадре в Воронеже: 15 галер — 300 человек — 3 пушки; 10 полугалер — 200 человек — 2 пушки; 5 паромов — 300 человек — 36 пушек; 5 бригантин — 400 человек — 36 пушек. «Командиры неизвестны, исключая контр-адмирала Сенявина, — докладывал британский посол. — Строят несколько палубных судов для Азова». Он также упомянул о снабжении армии, магазинах (продовольственных складах), расположенных в Воронеже, Киеве, Тамбове, Полтаве, Чернигове, Елизаветграде, Темрюке, Каменце. Разве не удивительно, что подобная информация собиралась о вооруженных силах государства, с которым Великобритания настойчиво стремилась заключить союзный договор? И не могли ли англичане передать эти сведения противнику России — Турции? Однозначно ответить сложно.

В 1772 г. Кэткарт возвратился на родину и с тех пор больше не занимался дипломатической деятельностью. В 1773 г. его избрали ректором университета в Глазго. Однако на этой должности поработать ему пришлось недолго: 14 августа 1776 г. дипломат и храбрый офицер Чарльз Кэткарт скончался в возрасте 55 лет.

На взгляд Н.А. Нотовича, лорд Кэткарт был одним из лучших английских послов в России⁹¹. Трудно сказать, чем руководствовался ученый, когда давал Кэткарту подобную оценку. Ведь, по сути дела, он, как и его предшественники, более опытные дипломаты граф Бэкингемшир и Макартни, не сумел добиться главной своей цели — заключения с Россией союзного оборонительного договора. Но, как бы то ни было, определенную положительную роль в налаживании отношений с российской дипломатией в сложный для нее период войны с Турцией посол действительно сыграл.

Что же касается оценок дипломата внутренней и внешней политики Екатерины II, характеристик императрицы и ее ближайшего окружения, а также информации о знаменательных событиях, происходивших в России, очевидцем которых он стал, то здесь Кэткарт был в должной мере объективен и достаточно благожелателен. Освещение им событий, связанных с внешнеполитической деятельностью Екатерины II, со всей очевидностью продемонстрировало усиление позиций императрицы не только в стране, но и за рубежом, а также подтвердило самостоятельность в проведении ею курса внешней политики в 1760-х годах.

⁹⁰ СИРИО, т. XII, с. 369.

⁹¹ Нотович Н.А. Указ. соч., с. 96.